

Как и ожидалось, съемочная группа запретила их план с алкоголем, сославшись на то, что это не подходит для трансляции.

- Если не подходит, то не показывайте, - улыбнулась Ли Инь. - Можно просто вырезать, ничего страшного.

- Если не дадите нам выпить, мы не будем сниматься, - Суй-Суй сразу легла на пол.

Цинь Июй тоже присоединился:

- Вы же умеете накладывать маски, верно? Если что, мы можем налить алкоголь в бутылки с водой!

Ситуация начинала накаляться, и Чи Чжиян толкнул Янь Цзи локтем.

- Что? - Янь Цзи посмотрел на него и тихо спросил.

- Ты же любишь быть миротворцем? Разберись с этим, - прошептал Чи Чжиян.

Янь Цзи чуть не рассмеялся, не понимая, кто тут на самом деле любит вмешиваться.

Он скрестил руки на груди и с интересом наблюдал за происходящим:

- Подождем еще немного, пока съемочная группа совсем не сдастся, тогда я поговорю с ними.

Чи Чжиян широко раскрыл глаза, оглядывая это благородное и серьезное лицо:

- Ну ты даешь, ждешь, пока все сыграют плохих, а потом сам выступишь хорошим.

Янь Цзи улыбнулся, его глаза изогнулись, как полумесяцы:

- Учитель Сяо Ян, какой ты умный.

Тем временем Нань И сидел в кресле с закрытыми глазами, совершенно отстраненный от бурной атмосферы репетиционной студии, пока его телефон не завибрировал несколько раз. Он достал его и увидел сообщение от ассистента оператора Хэнкэ.

[Ассистент Сяо Линь: Доктор пришел, Нань И, выходи сейчас, я жду тебя у лифта на 6 этаже.]

Итак, в самой гуще хаоса Нань И тихо ушел.

Цинь Июй был единственным, кто сразу это заметил. Он все еще спорил со съемочной группой, но, увидев, как Нань И выходит за дверь, вдруг забыл, что хотел сказать.

Пока съемочная группа была на грани срыва, Янь Цзи вовремя вышел вперед и как представитель начал «разумные» переговоры.

Через полчаса Нань И, сидя в кабинете врача, получил сообщение от Чи Чжияна.

[Ме-е-е: Нань И, мы сменили место, когда вернешься, иди в нашу комнату, не заходи в студию.]

Они все же добились своего.

- Проблемы с глазами у вас с детства? - спросил врач.

Нань И кивнул:

- С рождения.

Врач тоже кивнул:

- Судя по текущему состоянию, проблема довольно серьезная. Возможно, это связано с воздействием света. Сначала я наложу вам лекарство, а потом вам лучше обратиться в офтальмологическую клинику для проверки радужной оболочки и роговицы. Здесь нет необходимого оборудования.

Нань И кивнул:

- Спасибо, доктор.

Как раз ему нужно было выйти, и медицинская причина была вполне уважительной.

После осмотра ассистент сказал, что сначала зайдет в туалет. Нань И на секунду задумался, затем сказал, что ему тоже нужно, и последовал за ним. Оператор временно прекратил съемку и остался ждать их в кабинете.

Стоя рядом у раковины, Нань И вдруг заговорил:

- Сяо Линь.

Сяо Линь поднял голову:

- Что такое?

- Спасибо, что помог вызвать врача. Ты много работал в эти дни съемок.

Не ожидая, что всегда холодный басист вдруг выразит благодарность, Сяо Линь заметно покраснел:

- Это моя работа, не стоит благодарности.

Нань И, наблюдая за его реакцией, продолжил подходящей темой, шутливо спросив:

- Съемочная группа не добавила вам людей?

Воспользовавшись отсутствием камер в туалете, Сяо Линь сразу начал жаловаться:

- Добавили, в каждую группу пришло много новых людей, но чем больше людей, тем больше у нас, ассистентов, проблем с координацией. Вот вчера, например, во время подготовки к интервью пришлось общаться с группой по декорациям. Добавили двух новых декораторов, но нам не сообщили, поэтому мы не смогли заранее согласовать расположение камер и освещение. Оператор даже рассердился.

Нань И слушал и улыбался:

- Это действительно сложно. Ваша группа операторов и осветители должны тесно взаимодействовать. Если они добавили людей и внесли изменения, вам тоже пришлось подстраиваться.

Услышав это, Сяо Линь словно нашел выход для своих жалоб и начал выкладывать все:

- Именно! В группу освещения пришли два новых осветителя, и они изменили план. Операторам пришлось срочно собираться и подстраиваться под них, иначе при монтаже могли возникнуть проблемы с картинкой. Эх... - он тяжело вздохнул. - Ничего не поделаешь.

- Они известные осветители? Раз могут так легко менять планы, - Нань И вытер руки бумажным полотенцем, ненавязчиво спросив.

Зная Сяо Линя по их общению за это время, он понимал, что тот, начав говорить, не ограничится словами, а обязательно полезет в телефон за фотографиями, видео или ссылками, чтобы подкрепить свои слова.

- Да, у них даже есть фанаты.

Как и ожидалось, Сяо Линь достал телефон, нашел страницу осветителя в Weibo и показал Нань И.

- Вот он, кажется, раньше работал на других крупных шоу, у него большой опыт.

- Понятно, почему вам пришлось подстраиваться...

У двери раздался голос оператора, торопящего их, и Сяо Линь сразу ответил:

- Идем.

Когда ассистент вышел за дверь, Нань И, идущий следом, убрал улыбку. Пока оператор и ассистент обсуждали что-то, он открыл телефон, ввел в Weibo только что увиденный аккаунт и, зайдя в список подписок, нашел сотрудника компании «Чэн Хун Медиа», близкого друга Чэнь Юня.

Точно.

В этот момент Нань И подумал: Чэнь Юнь наконец-то проявил смекалку.

Уже на таком этапе легко понять, насколько он зол. Видеть, как человек, которого он когда-то топтал, шаг за шагом поднимается вверх, оказываясь на виду у всех. Аплодисменты, цветы, восторженные крики - все это, должно быть, сводит его с ума.

Но этого все еще недостаточно. То, что действительно может свести его с ума, - это его социопатичный отец. Чтобы привлечь его внимание, Нань И знал, что ему нужно еще немного.

Ради этого он готов терпеть и яркий свет, и шаткую стальную проволоку под ногами.

- Нань И, готовы продолжить съемку?

Он выключил телефон и с улыбкой кивнул:

- Готов.

Тем временем, вернувшись в гостиную общежития, Цинь Июй стал рассеянным. Он держал бутылку пива, лежа в кресле-мешке и глядя на желтую лампу на потолке, пока глаза не начали болеть. Затем он закрыл их и подумал: Нань И тоже так делает, когда ему плохо?

Гостиная была наполнена смехом и разговорами, пробелы между словами заполняла музыка из колонок – известная песня в жанре шугейз.

Искаженный звук гитары гудел, долго, повторяясь, создавая невидимую звуковую стену. Голос вокалиста был размытым, как бормотание во сне. В какой-то момент Цинь Июй словно вернулся на сцену, опустив голову, в ослепительном свете, глядя на свои педали эффектов.

Скрип.

Звук открывающейся двери развеял иллюзию. Он открыл глаза, переведя взгляд с потолка и лампы на вход в общежитие. После долгого взгляда на свет в глазах все еще плавали блики, и обычно резкий черный силуэт Нань И сейчас казался мягче.

Увидев, как он переобувается и поднимает голову, Цинь Июй вдруг выпрямился. Он заметил, что на лице Нань И появилась белая повязка на один глаз, закрывающая левый глаз, с тонким ремешком, проходящим через переносицу и закрепленным за ухом.

Это делало его непохожим на себя, придавая хрупкость. Цинь Июй нахмурился.

И еще какое-то странное чувство узнавания.

Окутанный звуковой стеной гитары, он погрузился в воспоминания, пытаясь понять, видел ли он кого-то еще с такой же повязкой на один глаз.

- Нань И вернулся? Иди сюда!

Все интересовались состоянием его глаз, а Цинь Июй, наоборот, был необычно тих. Он ругал себя за плохую память, а пиво в его руке было почти допито.

- Мы как раз говорили, когда ты вернешься, - Ли Инь протянула Нань И две разные бутылки с алкоголем. - Что будешь пить?

Нань И изначально не хотел пить, так же как не хотел, чтобы врач надел на него повязку, боясь, что Цинь Июй может что-то заподозрить.

Ведь при их первой встрече на нем была такая же повязка, только черная.

Но по настоянию врача он все же согласился. Если подумать, Цинь Июй вряд ли это запомнил. Тогда он просто помог ему, и таких мелких поступков в его жизни было множество, он никогда не придавал им значения.

Разве не поэтому он изначально был уверен, что сможет хорошо скрываться перед ним?

Почему теперь это его беспокоит?

Нань И не понимал и не хотел больше думать об этом. Увидев, что Цинь Июй спокойно пьет, он снова сдался, взгляд упал на две бутылки в руках Ли Инь, он выбрал одну наугад, наклонился и поднял с пола открывалку.

Щелчок. Взгляд Цинь Июя скользнул в его сторону, наблюдая, как Нань И запрокидывает голову, глотая пиво, кадык движется вверх и вниз.

Разве он не говорил, что не пьет?

Цинь Июй отвел взгляд, раздраженный, протянул пустую бутылку А Сюню, который ждал, чтобы собрать их, и взял новую.

Сю Янь, выпившая до румяных щек, уставилась на бейджик Суй-Суй, приближаясь все ближе, пока чуть не упала ей на грудь.

- Ваши имена такие длинные... Я часто вижу, как люди их путают.

Суй-Суй, видя, что ей плохо, просто обняла ее и похлопала по спине.

- Эх... - Ли Гуй тяжело вздохнул. - Все из-за того, что мы тогда поспешили, не стоило так называть.

- Назвали наугад? - Янь Цзи заинтересовался. - Разве «Улисс» - это не название романа?

- Ты тоже знаешь! - Суй-Суй обрадовалась, качая Сю Янь в объятиях. - Мы трое учились на одном факультете, познакомились на факультативе по литературе. На том курсе нужно было разбиться на группы и читать известные зарубежные романы, но мы не смогли выбрать то, что хотели, и в итоге нас отправили читать «Улисса».

А Сюнь кивнул, с опозданием добавив:

- Это представитель потока сознания.

Ли Гуй продолжил:

- Именно благодаря этой группе мы заговорили и неожиданно обнаружили, что все любим музыку, умеем играть и писать песни, так что решили создать группу.

- Верно, мы решили, что это знак от «Улисса», поэтому и выбрали такое название.

Чи Чжиян наконец понял:

- Вот как!

Минь Мин вдруг что-то вспомнила и посмотрела на Цинь Июя:

- Разве это не похоже на «Угол хаоса»?

После этих слов в комнате на секунду воцарилась тишина.

Минь Мин, всегда немного рассеянная, даже не заметила, что задела болезную тему, и продолжила:

- Я когда-то покупала первый альбом «Угла хаоса», там было написано, как вы придумали название. Я помню, что это было потому, что вы все попались на ошибках и были наказаны учителем, стоя в углу учебного корпуса, где и познакомились. Поэтому и назвали «Угол хаоса».

Цинь Июй, лежа в кресле-мешке, засмеялся:

- Минь Мин, у тебя отличная память, не зря ты помнишь столько карт Таро.

Нань И молчал. Действительно, и «Угол хаоса», и «Улисс» были группами, зародившимися в школе. Тогда, учась в одной школе, он видел, как все это происходило, но не имел к этому

отношения.

Позже, из-за драки, Нань И тоже был наказан и стоял в том же углу. Тогда он думал, как же здесь жарко, и как Цинь Июй мог все время улыбаться, стоя здесь, и даже легко собрал группу.

Стоя на том же месте, но в другое время, он не мог улыбаться.

Раньше он никогда не думал о «Угле хаоса», считая, что это его не касается, но в последнее время он все чаще вспоминал о них, о первой репетиции Цинь Июя, первом концерте, первой записи альбома...

Все это не принадлежало ему.

- Кстати, о названиях групп, мне всегда было интересно, - Чи Чжиян обратился к Минь Мин. - Что означает ваше название? Есть какая-то история?

Минь Мин и Ли Инь посмотрели на Сю Янь, предлагая ей рассказать, и та, медленно поднявшись из объятий Суй-Суй, начала объяснять:

- Моя бабушка пела в Пекинской опере... «Цышадань» - это тип роли в традиционной опере. Это либо злые, коварные женщины, либо мстительные, убивающие своих врагов...

Чи Чжиян поднял бровь:

- Круто.

- Да, - Минь Мин вставила трубочку в стакан с коктейлем из колы и красного вина. - В любом случае, это совершенно не соответствует традиционному образу воспитанной девушки. Когда Сю Янь предложила это название, мы сразу поняли, что оно идеально подходит.

Это было интересно. Нань И, незаметно допив бутылку, поставил ее перед А Сюнем и открыл новую:

- Ваш музыкальный стиль тоже хорошо сочетается с этим названием.

- Правда? - Сю Янь глупо улыбнулась. - Получилось случайно.

- Когда я училась в школе, из-за моего открытого характера и хороших отношений с людьми, некоторые за спиной говорили, что я несерьезная, что у меня дикие мысли, в общем, не так, как должна вести себя хорошая девочка, - Ли Инь равнодушно усмехнулась. - Ну и пусть, буду злодейкой. Даже если я цветок в храме, то самая непослушная.

Цинь Июй оценил такое отношение, лениво похлопав в ладоши.

- Ты в детстве тоже подвергалась издевательствам? - Ли Гуй посмотрел на Ли Инь. - Не могу представить.

- Любой человек может стать жертвой травли, - тихо, но метко сказала Ли Инь.

Ли Гуй задумался, затем вдруг улыбнулся и продолжил уже более серьезным тоном:

- Вы знаете, почему я отрастил такие длинные волосы?

Чи Чжиян не мог угадать, но точно не по той же причине, что у него.

- Чтобы круто размахивать ими за барабанами?

Ли Гуй рассмеялся, но покачал головой:

- Из-за моего друга. Мы учились вместе в средней школе. С детства, из-за того, что я выглядел как девочка, мальчики в классе называли меня «девчонкой»... Он был моим единственным другом.

Он погрузился в воспоминания, медленно рассказывая:

- У него было слабое здоровье, он часто болел, родители работали далеко, и о нем заботился только дедушка. Его дедушка был немного суеверным, и гадалка сказала, что у него слабая судьба, и если часто стричь волосы, то он умрет молодым, поэтому он их отрастил...

Ли Гуй усмехнулся:

- На самом деле, мы с ним думали, что гадалка просто обманывала, но его дедушка верил, и чтобы не беспокоить его, он действительно отрастил волосы. Когда учителя требовали постричься, его дедушка звонил им. Позже, из-за того, что мы с ним дружили, те мальчики, которые смеялись надо мной, начали издеваться над ним, называя его «девчонкой» за длинные волосы, и часто загоняли его в туалет, спрашивая, почему он не надевает женскую форму.

Эти слова были слишком реальными, дыхание в комнате стало тяжелым, и только музыка из колонок связывала все молча слушающие сердца.

А через разбросанные тела и бутылки Цинь Июй все смотрел на Нань И.

Он хотел знать, о чем сейчас думает Нань И, затронули ли его эти слова.

Звуковая стена искаженной гитары создавала прочную зону безопасности, слова, под действием алкоголя, вырывались из тела, как мячики, сталкиваясь в комнате, переходя от одного человека к другому, создавая круги на воде.

- А что было потом? - спросил Янь Цзи.

- Потом... - Ли Гуй тяжело вздохнул, его лицо покраснело. - Он все же заболел, после обследования в городской больнице сказали, что это почечная недостаточность. Тогда в классе даже собирали деньги... Я думал, те, кто смеялся над ним, пожалеют.

- Нет, - вдруг сказал Нань И.

Ли Гуй посмотрел на него, несколько секунд смотрел, затем кивнул:

- Да, они не пожалели. Они смеялись до самого конца.

Он помолчал, затем продолжил:

- Он не дождал выпускного. Мне было очень грустно, ведь он был моим лучшим другом. С того дня, как он ушел, я начал отращивать волосы... Позже некоторые тоже смеялись надо мной, но мне было все равно. Иногда мне даже кажется, что он не ушел, он все еще со мной, как мои волосы...

Он усмехнулся:

- Наверное, это звучит жутковато, я вас напугал.

Все смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Чи Чжияну стало грустно, он подошел с бутылкой и крепко обнял его.

- Давай я заплету тебе косички!

Эта странная фраза вдруг разрядила слишком печальную атмосферу, и все засмеялись. Взяв у Цинь Июя кучу резинок, Чи Чжиян, Суй-Суй, Минь Мин, Ли Инь и Сю Янь окружили Ли Гуя и начали заплетать ему косички.

Эта сцена была одновременно смешной и теплой, вся гостиная наполнилась мягким светом.

Вдруг раздался звук фортепиано, отличающийся от музыки из колонок, прерывистый, как будто кто-то играл ручную.

Все повернулись к источнику звука - это был Янь Цзи.

Он незаметно сел за пианино в углу гостиной, на котором стояла его недопитая бутылка вина.

В свете заходящего солнца его бежевый свитер был окутан легким золотистым сиянием. Он опустил голову, его обычно аккуратные волосы были слегка растрепаны, длинные пальцы скользили по клавишам, и ноты естественно лились наружу. Грустные, подавленные, наполненные эмоциями.

- Это ты только что сочинил? - Цинь Июй, держа бокал, подошел и, прислонившись к пианино, стал внимательно слушать.

- Да, услышав ваш разговор, в голове появилась мелодия, решил попробовать сыграть.

- Продолжай.

Цинь Июй тоже поставил бокал и сел на другую сторону длинной скамьи, положив пальцы на клавиши, пытаясь сыграть вместе с ним.

- Это может стать куплетом, - подумал Нань И.

Он попытался представить, как должны звучать низкие частоты бас-гитары, и вскоре появились гитарные аккорды - это был А Сюнь.

Постепенно инструментов становилось все больше, и группа пьяных превратила гостиную в еще одну репетиционную студию, но без споров и соревновательного духа. Слова заменились нотами, все замолчали, но звуки стали громче и ближе.

- Мы что, пишем песню? - Чи Чжиян, слушая, вдруг осознал.

- Да, - улынулась Ли Инь.

Ли Гуй поспешно добавил:

- Кто-нибудь запишите, а то я боюсь, что после того как протрезвею, все забуду!

- Они же нас записывают, разве нет?

- Ха-ха-ха!

- Я совсем забыл, что нас снимают...

Они играли немного, затем останавливались, чтобы выпить и поговорить, постепенно сочиняя песню. Возможно, потому что тема была связана с болью, им нужно было перевести дыхание, чтобы продолжить. В такие моменты они переставали быть тремя группами с разными стилями, переставали быть конкурентами, которые думают о том, как не проиграть другим. Они были просто десятью друзьями, собравшимися вместе благодаря музыке.

Сю Янь и Суй-Суй напившись и, обнявшись, сладко спали на диване. Ли Инь накрыла их пледом, затем наблюдала, как Ли Гуй, пьяный, размахивал волосами.

- У тебя такие хорошие волосы.

- Даже шея Янь Цзи покраснела, а я думал, ты не пьянеешь.

Янь Цзи улыбнулся:

- У меня быстро краснеет лицо, но я почти не пьянею.

Чи Чжиян подошел ближе:

- Ты когда-нибудь напивался? Как ты себя ведешь?

Янь Цзи только улыбался, не отвечая, и щипнул его за шею:

- Угадай.

А Цинь Июй вообще не участвовал в разговоре. Он заметил, что перед Нань И уже стояли десять пустых бутылок, но тот выглядел совершенно спокойно, и его лицо не изменилось.

- Если бы я знал, что у тебя такая выдержка, в прошлый раз не стал бы тебя выручать.

Пока все временно отвлеклись на разговоры, Нань И встал, тихо сказал, что идет в туалет, и направился в спальню.

Изначально Цинь Июй не хотел идти за ним.

Но из колонок доносился голос вокалиста, неясный, шепчущий:

[Игры разума, не теряй меня.]

Цинь Июй вдруг почувствовал, как будто его загипнотизировали. Он поставил бутылку, встал, алкоголь в самый раз притупил часть его рассудка, подталкивая пройти через смех в гостиную, открыть дверь спальни, войти и закрыть ее за собой.

Закрыв дверь, он обернулся и столкнулся с Нань И, выходящим из ванной.

Шесть тридцать вечера, сумерки, в комнате не было света, только глубокий синий цвет. Нань И с повязкой на глазу, открывая только один глаз, в полумраке превратился в статую, инкрустированную единственным драгоценным камнем. Он молчал, не двигался, просто смотрел на Цинь Июя, не проявляя никаких эмоций.

Цинь Июй знал, что не пьян, но решил притвориться, и, прикрываясь алкоголем, подошел ближе, остановившись перед Нань И.

- С глазами все в порядке? - он протянул руку. - Можно посмотреть?

Пальцы почти коснулись повязки, но Нань И быстро уклонился.

В этот момент Цинь Июй словно что-то осенило, воспоминания быстро пронеслись перед глазами, и темная комната вдруг превратилась в белоснежный зимний день.

Он помогал ребенку с повязкой на глазу, маленькому, с волосами, закрывающими лицо.

Это размытое лицо постепенно слилось с Нань И перед ним, а затем с тем призрачным силуэтом. Трое, три тени из воспоминаний.

Цинь Июй нахмурился, замер на месте, боясь думать об этом.

Нань И отошел. Он молча подошел к кровати Цинь Июя, схватил беспорядочно скомканное одеяло, встряхнул его и аккуратно застелил.

Цинь Июй остолбенел, не успев обдумать произошедшее, подошел и схватил его за руку:

- Что ты делаешь? Не нравится, что у меня беспорядок?

Нань И не ответил, выдернул руку, повернулся к столу Цинь Июя, закрыл все разбросанные ручки, сложил их в подставку, затем аккуратно сложил книги и тетради.

- Ты не разговариваешь со мной, но убираешь за мной, что это значит? - Цинь Июй действительно не понимал, подошел и схватил Нань И за руку.

Он очень хотел спросить прямо: «Ты что, влюблен в меня?», но слова застряли на губах.

Нань И снова отошел, на этот раз направившись к шкафу Цинь Июя. Он достал оттуда тапочки и пижаму с изображением утки, свернул их в комок и попытался выбросить в мусорное ведро у стола.

- Эй, зачем ты выбрасываешь мои вещи! - Цинь Июй поспешно подошел, спас свою новую пижаму и тапочки, бросил их в угол, затем схватил упрямого Нань И.

Нань И, похоже, не хотел с ним разговаривать, резко встал и снова попытался уйти.

- Не думай, что убежишь, смотри на меня. - Цинь Июй одной рукой схватил его за руку, другой сжал лицо Нань И, заставляя его смотреть на себя.

И Нань И действительно посмотрел.

Цинь Июй вдруг понял, что этот мерзкий ребенок Ни Чи был прав - его глаза действительно похожи на янтарь. Светлые, переливающиеся, как мед. Это из-за алкоголя? Кажется, они отличаются от обычных, не такие резкие, а скорее наивные и упрямые.

Нань И редко смотрел ему прямо в глаза, но теперь смотрел пристально, и воздух вдруг стал густым. Цинь Июй действительно почувствовал нехватку кислорода.

- Ты редко так на меня смотришь, - он заговорил и с удивлением обнаружил, что его голос стал

хриплым.

Нань И все еще молчал. Он злился? Из-за того, что в тот день он обнял его без предупреждения?

Даже если этот человек влюблен в него, нужно было спросить, верно?

- Ты...

Не успел он договорить, как Нань И вдруг протянул указательный палец и зацепил ворот свитера Цинь Июя.

Он тянул его вниз, пока не показалась строчка букв.

Щелчок. Он отпустил, воротник отскочил назад. Нань И поднял глаза и пристально посмотрел на Цинь Июя.

За дверью, в гостиной, осталось мало трезвых людей.

- Нань И выпил так много... Думаю, он немного пьян, - Чи Чжиян обнял колени, покачиваясь из стороны в сторону, как неваляшка.

А Сюнь с любопытством спросил:

- Но я не вижу, чтобы он покраснел.

- У него лицо не краснеет от алкоголя, - Чи Чжиян покачал головой. - Сколько бы он ни выпил, он выглядит как обычно, и говорит так же нормально, как всегда. Раньше я даже не замечал.

- Значит, он не пьян?

Чи Чжиян яростно замотал головой, даже сам себя закружил, затем схватился за голову.

- Он выглядит трезвым, но делает странные вещи.

- Например? - спросил Янь Цзи.

Чи Чжиян задумался, затем вдруг рассмеялся:

- В прошлый раз, когда Нань И напился у меня дома, он ничего не сказал, просто вышел. Я боялся, что с ним что-то случится, и пошел за ним, а потом...

Он смеялся, не переставая:

- Угадайте, что он сделал? Он пошел на тротуар и начал расставлять разбросанные велосипеды, ставя их аккуратно, с одинаковым расстоянием. Когда я подошел, он уже почти закончил и бормотал: «Давно хотел это сделать».

Все засмеялись.

Чи Чжиян подвел итог:

- Позже я понял, что, когда он пьян, он делает то, что давно хотел, но не делал. Забавно, правда?

Эти звуки смешались с музыкой, не доносясь через дверь.

Цинь Июй ничего не слышал.

Тук-тук, тук-тук.

Только их сердца, бьющиеся в унисон, и все более влажное, тяжелое дыхание.

Кожа Нань И источала сладкий аромат, Цинь Июй долго не мог понять, что это, пока не осознал – это запах вишни. Он впервые задумался, каков на вкус вишневое пиво.

Его запястье было белым, но в ладони Цинь Июя оно горело, создавая иллюзию, что даже снег может кипеть. Сквозь тонкую кожу пульс бился так сильно, раз, два, словно он держал живую птицу.

Пальцы Цинь Июя шевельнулись, медленно поднимаясь вверх, за край рукава, как змея, ползущая по линии предплечья, оставляя за собой невидимую дрожь. Он не знал, о чем думал, но, очнувшись, обнаружил, что рукав черной толстовки уже закатан до локтя.

Нань И, похоже, тоже это заметил, опустил глаза и спокойно смотрел на свою руку.

- Прости, я...

За дверью кто-то случайно нажал на кнопку громкости, и песня внезапно стала громче. Двусмысленный вокал и слишком сладкие слова проникли сквозь дверь, как сироп, обливая их обоих.

[Милая, я смотрю, как ты

Сгораешь так быстро, это пугает меня.]

- Цинь Июй...

Он смотрел, как Нань И поднял глаза, смотря ему в лицо, мягкие губы слегка приоткрылись, белые клыки, красный язык, и тихие слова медленно вытекли наружу:

- Я хочу показать тебе кое-что.

<http://bllate.org/book/14694/1313175>